

От автора к четвертому изданию книги

Настоящее предисловие может показаться несколько необычным: по объему, форме, стилю. Однако оно в полной мере отвечает содержанию книги. Все представленные в ней интервью с советскими/российскими социологами составляют основу большого историко-биографического исследования, которое автором книги – Борисом Докторовым – проводится с лета 2004 года. Об этом своем проекте он рассказывает Ларисе Козловой, кандидату философских наук, зав. сектором Института социологии РАН, зам. главного редактора «Социологического журнала». Это интервью, озаглавленное «Историко-биографическое исследование российской социологии: к десятилетию проекта», опубликовано в питерском журнале социологических и маркетинговых исследований «Телескоп» (2014. № 4).

Борис, этим выпуском «Телескопа» завершается десятилетие раздела «Современная история российской социологии», который ты ведешь в журнале, и твоего проекта по истории советской/российской социологии. Оба направления работы тесно взаимосвязаны и основаны на биографических исследованиях. Мы убедились в том, что биографии социологов как часть, проявление истории науки и общества интересуют очень многих. Среди них – и наши коллеги, и несоциологи. Какими ты видишь итоги этого десятилетия, какими – планы на будущее?

Лариса, ты – идеальный собеседник по обозначенной тобой теме. Во-первых, историй нашей социологии ты занимаешься дольше, чем я, и рассматриваешь ее в более широком временном диапазоне. Во-вторых, ты знаешь, как начинались мои историко-биографические поиски, как складывалась их тематика, выработывались методология и методы сбора данных, знакома со многими выводами. Напомню, 6 июня далекого 2007 года мы начали обсуждение лишь завязывавшегося тогда проекта, и оно завершилось онлайн-публикацией «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев?..» [1]. На протяжении ряда лет она была своеобразным планом моих поисков. В начале 2009 года в статье «“Телескоп” смотрит в прошлое. Беседа об изучении истории современной российской социологии» мы обсудили содержание рубрики, то был «малый юбилей» – 25 выпусков рубрики («Телескоп», 2009. № 1). Но малым он видится мне сейчас, с позиции десятилетнего существования исторического раздела журнала и более 80 выпусков журнала с историко-социологической тематикой; в то время мне так не казалось. В 2012 году ты открыла предисловием аудио-текстовую брошюру «Портреты российских социологов. Интервью для Радио “Свобода”» [2]. К тому же, в редактируемом тобою «Социологическом журнале» за последние годы было опубликовано не менее десяти моих историко-биографических статей и интервью с нашими коллегами [3],[4],[5],[6].

Спасибо, а теперь, как часто спрашивают журналисты: «Чем ты встречаешь 10-летие?». Если можно, пока лишь факты, цифры...

Похоже, определенная фактология приведена выше. Продолжу её.

Всегда считал и остаюсь при том же мнении, что главное — это постоянно наращиваемая коллекция интервью с советскими/российскими социологами. Безусловно, подавляющее большинство этих бесед опубликовано в «Телескопе», но есть, как я уже сказал, в «Социологическом журнале», в издававшемся Фондом «Общественное мнение» журнале «Социальная реальность». Но в последнее время стал ощущаться дефицит журнального пространства, значительная часть интервью размещена лишь в Интернете.

Ты имеешь в виду ваш с Дмитрием Шалиным портал «Международная биографическая инициатива» [7]. или сайт Центра социального прогнозирования и маркетинга, возглавляемого Францем Шереги? [8].

Оба, но в первую очередь сайт Шереги. В конце апреля 2011 года Андрей Алексеев задумал собрать все готовые к тому времени интервью. Никакого «громдья планов», но задуманное им превратилось в уже три года продолжающееся онлайн издание. По предложению Шереги была создана специальная веб-страница и на ней размещена книга «Биографические интервью с коллегами-социологами». Презентация книги в Интернете состоялась в середине ноября 2011 года, тогда в ней было 40 интервью. По техническим причинам уже в конце того года вышло 2-е издание, в котором было 44 беседы. В начале июня 2013 года появилось 3-издание [9]. На тот момент 1-е издание было просмотрено 1610 раз, второе — 2908 (а через год — свыше 6000 раз). Сейчас 3-издание наполнено 60 интервью, за год оно было просмотрено около 1800 раз. Нет данных об аудитории этого сайта, но есть основания предполагать, что прежде всего это студенты и преподаватели социологических, исторических и других факультетов многих университетов.

Еще какую фактологию проекта ты хотел бы отметить?

Весной 2012 года Франц Шереги выпустил на диске мою книгу «Современная российская социология: историко-биографические поиски», в 3-х томах. Здесь удалось собрать материалы трех видов.

Прежде всего (том 1) был изложен и аргументирован ряд теоретико-методологических положений развиваемой мною «человеко-центричной» истории социологии. Здесь ученый, личность выступает в трех ипостасях: как главный субъект создания науки; как архитектор, строитель профессионального сообщества и как носитель информации о процессе становления и развития советской/российской социологии.

Том 2 — логический и «геометрический» центр издания, он содержит воспоминания 44 социологов о своей жизни и работе. Помню, как после подготовки всего материала впервые прочел подряд много интервью. И даже при том, что я прекрасно знал, кто и о чем мне рассказал, это погружение в биографии моих коллег произвело на меня очень сильное впечатление. Это — жизнь многих поколений советских людей и панорама того, как изнутри нее произошло наше профессиональное сообщество; с подобным мне не приходилось сталкиваться. Совокупность индивидуальных жизненных историй, траекторий неожиданно для меня породило новое пространство человеческих судеб. Построение такого

пространства не могло быть априорной задачей историко-социологического исследования. Но оно — прямое следствие генеральной идеи проекта — создания «человеко-центричной» истории социологии.

Когда в результате поиска названия тома 3 возникло «Биографическое и автобиографическое», я не был в полной мере удовлетворен, мне виделась в нем какая-то стилистическая незавершенность. Но сейчас я то ли привык к нему, то ли увидел в этой незавершенности толчок к продолжению того, что составило содержание этого тома. Тогда это были три группы материалов: первые попытки биографического и автобиографического анализа и отыскание подходов к включению в методологию историко-социологического исследования такого фактора, как жизненный опыт (биография) социолога.

Выше ты сказал о «попытках» и «отыскании подходов» к методологии — получения, анализа, интерпретации биографических данных. В какой мере тебе удалось продолжить намеченное?

Я постараюсь подробно ответить на этот вопрос, но прежде — обозначу мое отношение к слову «намеченное». Не проходящая специфика моего проекта заключается в его спонтанности: само рождение проекта; свобода и непредсказуемость направлений его развития; прояснение и уточнение шаг за шагом методологии исследования, методов анализа собираемой информации. Во-первых, я работаю один: сам пишу сценарий, рисую декорации, шью костюмы, подбираю музыку и исполняю все роли. Во-вторых, по мере возрастания эмпирического материала и возникновения множества догадок, гипотез, я испытываю их мощное воздействие на меня, заставляющее идти не так, как казалось необходимым, а прислушиваться к их голосу, советам. И третье, содержанием проекта, логикой его развития — теперь это стало очевидно — я связан с событиями, относящимися к некоторым сторонам бытия нашего профессионального сообщества; я должен реагировать на них и часто — очень оперативно. Постараюсь ниже проиллюстрировать это положение примерами.

Итак, я нечто намечаю, но это нечто — бесконечно минимально и, как правило, лишено императивности плана. Так, есть общая установка на продолжение процесса интервьюирования российских социологов, но характер претворения этой установки в деятельность постоянно меняется. В 2005—2007 годах я проводил одновременно одно-три интервью, ибо старался сразу после его завершения опубликовать текст в «Телескопе». Потом возникла возможность увеличить число одновременно проводившихся бесед, так как появилась возможность для публикации интервью в «Социологическом журнале» и в «Социальной реальности». Но количество проводимых интервью — это не просто «арифметика», следуя Пушкину, это уже начало алгебры. Расширяется возможность для выбора собеседников. В 2013 году, когда количество интервью в онлайн-книге «Биографические интервью с коллегами-социологами» достигло полусотни, и этот сайт стал активно посещаемым, я стал размещать на нем завершенные беседы с намерением опубликовать их позже. Другими словами, ориентация на более активное, самостоятельное — без привязки к обязательствам немедленной «бумажной» публикации — использование возможностей Интернета позволило мне к середине 2014 года одновременно проводить свыше десяти интервью. Кто-то отвечает на мои вопросы быстро, и мы за 2—3 месяца заканчиваем раз-

говор. Кто-то в силу тех или иных обстоятельств прерывает работу над интервью на продолжительный срок — до нескольких месяцев, но это никак не отражается на всем процессе сбора информации, так как я сразу обращаюсь к кому-либо с просьбой рассказать о себе и начинаю новое интервью.

Еще одно «начинание» — это биографические статьи, эссе, заметки. Хотя мой проект возник именно после спонтанно написанной в 2004 году статьи «Б. А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения» («Телескоп», 2004. №4), он еще был жив, развитие этого направления шло медленно. Я не осознавал, что подобные работы — составная часть историко-социологического исследования, что этот жанр открывает широкие возможности для постижения творчества конкретного ученого, поиска форм синтеза личного и социального. Но постепенно таких портретов накопилось достаточно много, не менее полутора десятков. Вообще, их герои — всегда во мне, но такие материалы легче пишутся, когда есть внешний повод, когда — скажу — много труднее не написать, чем написать.

Так, небольшая статья «Геннадий Батыгин: “Я хочу работать в области истории советской социологии”» была написана в 2013 году в связи с десятилетием со дня его смерти («Социологический журнал», 2013. № 2). Фрагменты переписки с Андреем Здравомысловым — «А. Г. Здравомыслов: его деятельность и наследие еще предстоит изучить» — были опубликованы в том же году, так как исполнялось 85 лет со дня его рождения («Телескоп», 2013. № 2). В 2007 году, через три года после смерти Валерия Голофаства, я впервые попытался проанализировать стиль, интенцию его творчества — «Валерий Голофаств. Фрагменты истории российской социологии как истории с “человеческим лицом”» («Телескоп», 2008. № 2). Мои историко-биографические поиски постепенно расширялись, и я часто задумывался над рядом методологических положений, формулировавшихся Голофаством в нашей переписке. Можно ли это называть «внешним поводом»? Отчасти, да. В этой работе я пытался сконцентрироваться на движении Голофаства в социологию с двух точек обзора. Во-первых, я смотрел на него как на представителя третьего поколения советских/российских социологов, к которому я сам принадлежу. Во-вторых, мне представлялось важным увязать стиль, язык и некоторые особенности взгляда Голофаства на социальное, с его ранним погружением в поэзию...

Продолжу о персональных эссе. В 2014 году исполняется 70 лет Францу Шереги, и мне хотелось рассказать коллегам его необычную биографию и хотя бы бегло охарактеризовать его исследования и многогранную деятельность, связанную с развитием социологии — «Франц Шереги. У него все от жизни» («Социологический журнал», 2014. № 4 (в печати). Иной повод — эссе «Памяти Татьяны Ивановны Заславской: размышления о ее жизни» («Социологический журнал», 2013. № 3); оно было написано вскоре после смерти Т. И. Заславской, но это не некролог, скорее — стремление понять жизнь этого незаурядного человека и ученого.

Чтобы закончить эту тему, пожалуйста, расскажи о работе над книгой о Б. А. Грушине.

Не знаю, закончим ли мы ее, не исключаяю, что она еще прорвется где-нибудь, но об этой работе стоит сказать отдельно. Она, конечно же, была намечена, именно в моем «мягком» плане; понимал, что надо, но когда и как,

не задумывался. Написать, даже книгу, можно, но ведь заранее следует знать, будет ли она издана. Приближение 85-ой годовщины (август 2014 года) со дня рождения Грушина актуализировала подготовку книги, но все прояснилось лишь в конце 2013 года, когда руководство ВЦИОМ приняло решение о проведении в конце февраля этого года IV Международной социологической конференции «Продолжая Грушина». Они согласились издать небольшую книгу, получившую название «Все мы вышли из “грушинской шинели”». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина» [10], и пригласили меня участвовать в этом мероприятии.

Определенный уровень готовности к работе над книгой о Грушине у меня был давно. Еще за два года до статьи о нем была издана наша с А. А. Ослоном и Е. С. Петренко книга о ельцинской эре [11]; в ней есть мой небольшой очерк «Линия Грушина». Я думал, что сделаю статью на базе этого очерка малой кровью. Ну, пара дней. Но оказалось, что я взял из нее лишь один абзац. А через год после публикации этой статьи Фонд «Общественное мнение» издал мою книгу «Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина» [12], в которой были главы об этих ученых. Затем я писал о Грушине после его смерти. Еще в нашей дискуссии о том, посетит ли граф Калиостро моих героев, я говорил о желании поработать над биографической книгой. Но такая возможность мне представилась лишь во второй половине 2010 года, когда Андрей Милехин, директор по России и Восточной Европе организации “The Gallup International” приступал к подготовке в Москве Годичного собрания этой глобальной полстерской ассоциации. В начале 2011 года он издал мою книгу «Джордж Гэллап. Биография и судьба» [13].

Вместе с тем, признаюсь, что приниматься за книгу о Грушине было страшновато. Прежде всего, Грушин — признанный лидер советской/российской социологии, и надо понимать ответственность за слова, произносимые в его адрес. Далее, предстояло писать о человеке, которого я знал, с которым вместе работал, у которого бывал дома, с которым меня связывали тесные неформальные отношения; и все мои чувства к нему в данном случае могли быть помехой для историко-социологического анализа. Наконец, есть Наташа Карцева, его вдова и муза, дочь Ольга, ставшая признанной американской писательницей, его друзья, коллеги, ученики. Следовало принять во внимание, что книгу необходимо было сделать за пару месяцев и уложиться в достаточно скромный объем (5 п.л.). Последнее ограничение я несколько нарушил, но к сроку все было сделано. Краткое предисловие согласился написать Владимир Ядов, но пока книгу не прочитала семья Грушина, я не мог передавать ее в издательство. Приведу слова из письма Наташи Карцевой (29 декабря 2013 г.): «Дорогой Боря! Твою книгу можно посылать Церетели как заказ на памятник твоему тезке. Стоял бы он рядом с Петрушей и смотрел бы на окна своего бывшего дома. А если серьезно, то ничего из сказанного раньше добавить не могу. Замечательная книга, написанная с глубоким пониманием и времени, и героя, а главное того, чем он всю жизнь занимался и что в этой жизни сделал <...> И как профессиональный редактор могу добавить, что и в этом смысле все в порядке».

Обстоятельно написал Борис Фирсов (3 января, 2014 г.) многие годы друживший с Грушиным. Напомню, в 60–70-е годы Фирсов плодотворно занимался исследованием средств массовой коммуникации и общественного мнения и более 15 лет отдал изучению современной советской социологии; в частности

он отметил: «Я прочел написанную тобою книгу о БГ. В ней ты стремишься уйти от рассказанного им самим в разных публикациях разных лет и обозначить сферу собственно грушиноведения, отталкиваясь от малоизвестных или просто неизвестных фактов его биографии. Общий результат этих усилий, сдобренных ссылками на твои ранее проведенные исследования, явно положительный (в рамках выбранного тобою жанра). Можно сказать, что в данном случае ты предлагаешь некий эталон жизнеописания социолога, ограниченный возможностями твоей информационной базы».

Борис, ты уже несколько раз «проговорился» о поколениях советских/российских социологов. Пожалуйста, расскажи о них подробнее, какую роль ты им отводишь сегодня в своих построениях?

Спасибо, хороший вопрос, об их роли в моем видении истории нашей социологии и нашего профессионального сообщества, мне еще не приходилось писать. Важно и то, что ты как-бы подчеркиваешь существование моего сегодняшнего, текущего понимания роли концепции поколений социологов, подразумевая изменчивость этой трактовки.

До тех пор, пока количество проведенных интервью оставалось небольшим, проблема стратификации множества интервью не возникала, скорее всего, виделись лишь два уровня анализа биографической информации: индивидуальный и обобщенный, т.е. весь массив собранных данных. Но с увеличением числа завершенных бесед задача того или иного их упорядочения обозначалась все заметнее. Очевидно, что вопрос о стратификации социологов по полу, по научным степеням, даже по месту жительства даже не рассматривался; это слишком тривиально и — что очевидно — в любом случае не с подобных расслоений массива данных следовало начинать. Просто говорить о «старших» по возрасту, «средних» и «младших» — не убедительно, уж очень расплывчаты, ситуативны, субъективны границы между ними.

Сама концепция поколений социологов в скрытом или слабо артикулированном виде давно присутствует в отечественной науке; похоже, в конце 1990-х или чуть ранее говорили о первом поколении и следующих, о продолжателях дела первых и тому подобное. Но, пожалуй, более ранних попыток членения советского социологического сообщества в силу разных причин не было. Социологов было немного, большинство знали друг друга давно, и научное сообщество воспринималось как нечто единое. Старшим было около 60 лет, и они не воспринимались даже 30-летними в качестве «аксакалов». Легко понять, что поколенческая стратификация возможна лишь в том случае, если существует длительный процесс становления научного сообщества и происходит его развитие, в том числе — естественный уход ученых старшего возраста и их замена их учениками. В СССР этого не было. Современный этап социологии берет свое начало в конце 1950-х, и социологического образования в стране тогда не существовало. По идеологическим причинам невозможно было говорить о том, что советские социологи — продолжатели всего того, что было сделано дореволюционными и раннесоветскими исследователями.

Таким образом, если к началу 2000-х идея поколенческой стратификации социологического сообщества, пусть робко, но заявляла о себе, то общих критериев, правил ее осуществления не было, во всяком случае мне они не были

известны. Я уже неоднократно описывал путь, который привел меня к постулированию лестницы 12-летних профессионально-возрастных когорт (поколений) [14], но здесь отмечу лишь два сформулированных мной ключевых утверждения. Первое – о том, что в конце 1950-х в СССР произошло не «возрождение» отечественной социологии, а ее «второе рождение». Отсюда вытекает простое следствие – начавшие свои исследования в то время представляют первое поколение. Второе утверждение – границы временных интервалов, задающих годы рождения представителей каждого поколения, должны определяться алгоритмическим путем, а не в привязке к тем или иным социально-политическим событиям, процессам в стране.

Опуская дальнейшие объяснения построения «лестницы поколений» советских/российских социологов, приведу границы и обобщенные названия первых девяти когорт социологов, представляющих наше профессиональное сообщество (таблица 1).

Таблица 1

Первые девять поколений современной советской/российской социологии

Поколение российских социологов	Годы рождения	Центр интервала рождения поколения	Социально-хронологическое название поколения
Первое	1923–1934	1928–1929	«Шестидесятники» (первая волна)
Второе	Последние годы 1920-х – 1934-й		«Шестидесятники» (вторая волна)
Третье	1935–1946	1940–1941	Военное
Четвертое	1947–1958	1952–1953	Первое послевоенное
Пятое	1959–1970	1964–1965	Постоттепельное
Шестое	1971–1982	1976–1977	Предперестроечное (годы застоя)
Седьмое	1983–1994	1988–1989	Дети перестройки
Восьмое	1995–2006	2000–2001	Первое поколение постсоветской России
Девятое	2007–2018	2012–2013	Эпоха В.В.Путина

Реально, в настоящее время в российской социологии работают представители семи поколений, родившиеся в 1928–1929 годах отметили свое 85-летие, «центральная группа» седьмого поколения – ровно на 60 лет моложе их. Формирование этого поколения не закончено, это произойдет к концу текущего десятилетия. Но уже в начале его второй половины (2016–2018) в наше сообщество начнут входить те, кто составит восьмое поколение.

Этот краткий комментарий к содержанию Таблицы 1, на мой взгляд, уже содержит частичный ответ на твой вопрос о роли концепции поколений в анализе прошлого–настоящего–будущего российской социологии. Несколько лет

я пытаюсь понять меру, глубину, формы биографичности творчества социологов – или детерминированности творчества различными обстоятельствами ранней социализации и особенностями вхождения в профессию. Сам этот факт у меня не вызывает сомнений. А это означает, что многопоколенность работников нашего профессионального цеха, качественное различие событийных рядов и социально-политической атмосферы, в которой формировались ценностные (и позже) профессиональные синдромы социологов разных поколенческих страт, указывает на «генетическое разноцветие» сегодняшней российской социологии.

Еще один интересный историко-научоведческий вывод из изучения биографий социологов – это функции различных поколений. Скажем, первое поколение и некоторые их ученики отстаивали и отстаивали право существования в СССР социологии как самостоятельной науки. Второе поколение помогало своим учителям (практически – ровесникам) в решении этой задачи, но их собственным делом было заметное расширение предметного поля советской социологии. И так далее, время и накопленный в социологии опыт ставили перед каждым поколением свои проблемы.

Как в твоём совокупном массиве опрошенных представлены разные поколения?

Ответ на твой вопрос содержится в таблице 2, в ней приведены фамилии социологов, интервью с которыми закончены на конец июня 2014 года и опубликованы в «бумажном» или/и онлайн-варианте.

Таблица 2

**Имена социологов, интервью с которыми закончены
на конец июня 2014 года**

Поколение	Опрошенные социологи
Первое (8 человек)	Ельмеев В. Я., Заславская Т. И., Здравомыслов А. Г., Колбановский В. В., Лапин Н. И., Осипов Г. В. Шляпентох В. Э., Ядов В. А.
Второе (12 человек)	Алексеев А. Н., Артемов В. А., Баранов А. В., Гишинский Я. И., Лесохина Л. Н. [*] , Максимов Б. И., Русалинова А. А., Столович Л. Н., Тощенко Ж. Т., Тукумцев Б. Г., Филиппов Ф. Р. ^{**} , Фирсов Б. М.
Третье (21 человек)	Башкирова Е. И., Беляев Э. В., Божков О. Б., Вишневецкий Ю. Р., Воронков В. М., Готлиб А. С., Гофман А. Б., Зборовский Г.Е., Ионин Л. Г., Кесельман Л. Е., Константиновский Д. Л., Могилевский Р. С., Панова Л. В., Петренко Е. С., Протасенко Т. З., Саганенко Г. И., Смирнова Е. Э., Татарова Г. Г., Толстова Ю. Н., Травин И. И., Шереги Ф. Э.
Четвертое (15 человек)	Бачинин В. А., Беспалова Ю. М., Горшков М. К., Давыдов А. А., Здравомыслова Е. А., Илле М. Е., Ильин В. И., Козлова Л. А., Локосов В. В., Мягков А. Ю., Омельченко Е. Л., Семенова В. В., Тарусин М. А., Чирикова А. Е., Ядов Н. В.
Пятое (3 человека)	Григорьева Л. И., Романов П. В., Тёмкина А. А.
Шестое (1 человек)	Паутова Л. А.

^{*} О Людмиле Николаевне Лесохиной (1928 1992) рассказал ее муж Владимир Александрович Ядов.

^{**} О Фридрихе Рафаиловиче Филиппове (1924 1990) рассказал его сын Александр Фридрихович Филиппов.

Наиболее представлены здесь 3-е (35% от числа опрошенных) и 4-е поколения (25%). Два первых поколения, а во многом обоснованно рассматривать их вместе, также составляют весьма представительную группу — 33%. Пятое поколение и шестое, которое я начал изучать недавно, пока представлены в сводном информационном массиве лишь 7%. Но, предполагаю, до конце 2014 года, обе эти группы будут более «весомыми».

Все мои собеседники — самостоятельные, известные своими работам специалисты. Самая общая статистика опрошенных такова: 37 (61%) докторов наук, в том числе три академика и два члена-корреспондента РАН, 16 (27%) — кандидатов наук или обладателей Ph.D. и семеро (12%) — не имеют научных степеней.

Преобладающая часть респондентов обладает многолетним преподавательским стажем, почти все доктора наук и ряд кандидатов имеют звание профессора, есть опытные доценты. Отмечу также наличие в этой группе ректора Европейского университета в Санкт-Петербурге (Б. М. Фирсов), деканов ряда социологических факультетов, создателей и заведующих кафедрами. Количество студентов, которые слушали их лекции, делали у них свои курсовые и дипломные исследования, неисчислимо. Подчеркну и то обстоятельство, что здесь представлены интервью с авторами многих учебников и учебных пособий по социологии, в том числе — наиболее востребованных: «Социологическое исследование: методология, программа, методы» (В. А. Ядов), «Рабочая книга социолога» (Под ред. Г. В. Осипова) и «Прикладная социология» (М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги). Под руководством некоторых из опрошенных специалистов подготовлено более сотни кандидатских диссертаций, многие консультировали докторантов. Таким образом, можно утверждать, что совокупно участниками проекта внесены значительный вклад в формирование корпуса специалистов высшей категории.

В составе опрошенных — два человека, в разные годы руководившие Институтом социологии РАН (за время своего существования он сменил несколько названий), создатель Института социально-политических исследований РАН, директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, организатор и первый директор Социологического института РАН, руководители крупных подразделений различных научных организаций, создатели и владельцы независимых аналитических центров. Т. И. Заславская была первым директором Всесоюзного (ныне — Всероссийского) центра изучения общественного мнения.

Здесь же — ключевые фигуры Советской социологической ассоциации (ССА, 1958—1992 гг.), в разные годы во главе ее были пятеро из моих собеседников: Т. И. Заславская, А. Г. Здравомыслов, Г. В. Осипов, Ж. Т. Тощенко и В. А. Ядов. В 1991 году было создано Российское общество социологов (РОС), его первым президентом был избран Н. И. Лапин, с 1992 по 1997 гг. его президентом был В. А. Ядов. Многие респонденты руководили исследовательскими секторами, комитетами в ССА и РОС, в международных социологических ассоциациях.

Есть в этой группе издатели известных социологических журналов, члены редколлегии международной, общенациональной и региональной социологической периодики. К ним относятся: М. К. Горшков, М. Е. Илле, Г. Г. Татарова,

Ж. Т. Тощенко, В. А. Ядов. Особо отмечу, что ты уже два десятилетия во многом определяешь политику и содержание «Социологического журнала» на посту заместителя главного редактора.

Все это указывает на весьма заметное место социологов, биографии которых здесь представлены, в организации советской/российской социологической науки.

Среди опрошенных ученых двух первых поколений есть те, кто в 1960-е — начале 1980-х регулярно представлял советскую социологию на Всемирных социологических конгрессах и различных международных форумах. После перестройки в процесс коммуникации с зарубежными социологами активно включились представители всех последующих когорт. Многие из четвертой когорты первыми прошли долгосрочные и краткосрочные стажировки в американских и европейских исследовательских и аналитических центрах.

По моим самым приближенным оценкам, общее количество лишь монографий, авторских книг, опубликованных участниками исследования, — не менее 700, так же под их редакцией вышло множество книг, сборников, материалов конференций. Ими самими или под их руководством изданы переводы социологической классики и современных авторов. Количество статей, написанных моими собеседниками, может быть оценено минимум в 12000—14000.

Не поддается оценке количество академических и прикладных проектов выполненных социологами, с которыми проведены интервью. Это и пионерные, многоцелевые, многоэтапные исследования, и исследования по программам социального развития, часто осуществлявшиеся университетскими специалистами совместно с заводскими социологами. Несколько человек причастны к становлению в СССР/России опросов общественного мнения и маркетинговых исследований. В третьем поколении выделяется группа социологов, имеющих базовое математическое или физическое образование. Ими проанализировано множество вопросов методологии и методов обработки социологической информации, создавались первые варианты программного обеспечения для ЭВМ.

На момент проведения интервью по 25 человек работали в Москве и Петербурге, семеро — в различных городах России, двое (Э. В. Беляев и В. Э. Шляпентох) в США и Л. Н. Столович — в Эстонии. Российская география представлена двумя социологами из Екатеринбурга и по одному от Красноярска, Иваново, Новосибирска, Самары и Тюмени. Но в действительности, воспоминания участников опроса охватывают более широкую хроно-пространственную среду. До переезда в Москву Т. И. Заславская и Д. Л. Константиновский работали в Новосибирске, Ж. Т. Тощенко — в Красноярске, Ф. Р. Филиппов — в Нижнем Тагиле, В. И. Ильин до Петербурга продолжительное время работал в Сыктывкаре, Б. Г. Тукумцев — в Самаре. В моей статистике проживания А. Г. Здравомыслов и В. А. Ядов учтены как москвичи, но, возможно, еще в большей степени они — ленинградцы.

Так и хочется спросить тебя о репрезентативности твоей выборки респондентов? Если не о ней, то о принципах выбора.

Странно было бы не услышать от тебя подобный вопрос, хотя, если честно, в начале моего проекта меня постоянно расспрашивали на эту тему, а теперь — заметно реже. По-видимому, наше профессиональное сообщество стало глубже

понимать некоторые особенности феноменологического подхода к анализу социальных явлений, и биографический метод из разряда особых, диковинных, стал, если не обыденным, то и не редкостным. Но — могу допустить, — что здесь есть и другая причина; пока интервью было мало, полтора-два десятка или и того меньше, вопрос о статистической репрезентативности возникал автоматически, даже без размышлений о специфике моего поиска. Но по мере роста числа законченных и опубликованных интервью проблема представительности выборки отошла несколько в тень других.

Безусловно, 60 биографий социологов в статистическом отношении не репрезентируют все сложно организованное многопоколенное и дисперсное сообщество советских/российских социологов. Но эта совокупность респондентов — не группа «случайных» людей, это — «лидерское», рискну сказать — «элитное» множество ученых, во многом определявших развитие советской/российской социологии на протяжении более полувека и давших импульс основным трендам в ее динамике на несколько десятилетий вперед. Методология настоящего историко-социологического изыскания, вообще говоря, не требует наличия группы ученых, статистически репрезентирующих ту или иную генеральную совокупность социологов, к тому же я вообще сомневаюсь в возможности построить такую выборку; уж очень неопределенна природа и параметры этого гипотетического генерального множества. Обсуждаемый проект и задумывался, и сложился как совокупность «кейсов», его можно трактовать как монографическое исследование меняющейся во времени реальности с помощью целенаправленно настраиваемой измерительной технологии.

Здесь нет понятия выборки, как и не существует вопроса о реализации выборочного плана. Скорее речь должна идти о достижении некоторых априорных — своего рода экспертных — допущений о том, с кем следовало бы провести интервью. Я даже рискнул бы говорить здесь о стремлении к исследовательской мечте. На первом этапе работы мне очень помогли Б. М. Фирсов и В. А. Ядов, с которыми я многие годы работал вместе. Их согласие рассказать о себе сделало более аргументированными мои обращения к другим коллегам. И все равно, потребовались годы, чтобы получить согласие некоторых социологов на беседу, и годы, чтобы провести интервью.

Менялась, настраивалась и собственно процедура интервью. По своему типу интервью всегда было неформализованным, мягким, фактически не было прямого переноса вопросов из одного интервью в другое. И была различной форма общения: одна ситуация, если моим собеседником был человек, которого я знал десятилетиями, и другая, особенно в начале интервью, если я к моменту сотрудничества не был с ним знаком.

Монографическое социальное исследование можно считать валидным, если оно в достаточной полноте выявляет и описывает ситуации, процессы, характерные для изучаемого объектно-предметного пространства, присущие ему. В целом о многих свойствах этого пространства можно судить априори, но действительная картина изучаемого фрагмента социальной реальности проясняется лишь по мере накопления и предварительного рассмотрения информации о его свойствах и динамике. Так, в нашем случае, можно было гипотетически, прибегая к принципам макро историко-наукоедческого анализа, построить

серию траекторий вхождения философов, историков, экономистов, математиков, филологов в социологию, но лишь беседы с ними позволили увидеть, как это происходило, благодаря и вопреки чему.

Конечно, каждый человек, рассказывая историю своей семьи, описывая процесс ранней социализации, получения образования, начало и развитие собственной карьеры, выстраивает нечто уникальное, единственное. Вместе с тем это уникальное во многом является цепочкой сюжетов, фактов, аргументов, часто встречающихся, повторяющихся в биографических повествованиях его коллег, прежде всего — его ровесников и представителей его социологического поколения. Скажем, светлые воспоминания о детстве, трагические события конца 1930-х и/или войны, коснувшиеся его семьи, встречи с теми или иными социологами или книгами, повлиявшими на выбор профессии или исследовательской ниши. Многие рассказывали о бюрократических сложностях с публикациями, цензуре, запрете на поездки за рубеж. И напротив, о чувстве радости, подъема, который старшие по возрасту социологи переживали в годы политической оттепели и более молодые — в период перестройки. Все эти более или менее часто встречающиеся жизненные коллизии образуют «матрицу событий», или «событийный каркас» большинства биографий.

Внутри этой матрицы располагаются различные событийные зоны. К примеру, есть множество рассказов социологов первого и второго поколений о трудностях и невзгодах пережитых ими в военные годы, есть несколько воспоминаний об их жизни в блокадном Ленинграде. Такова среда, в которой формировались эти когорты, и каждое новое интервью, в котором отражены переживания военного времени, повышает плотность событийной ткани в соответствующей матричной «ячейке», но не увеличивает количество самих ячеек.

Пока количество интервью оставалось небольшим, содержание каждого нового заметно увеличивало количество матричных ячеек, это означало, что результаты анализа собранной информации имели низкую логическую валидность. Но постепенно, с ростом числа бесед новые ячейки в матрице стали появляться все реже, происходило лишь уточнение границ уже существующих. Вот это-то и позволяет говорить о валидности, или логической репрезентативности, собранного массива информации. Он отражает многие процессы формирования слоя лидеров советской/российской социологии.

Основанием для приведенных рассуждений являются выводы и практика статистического последовательного анализа (*statistical sequential analysis*), предложенного в конце 1940-х американским математиком Абрахамом Вальдом. В нашем случае не ставится задача использования методов проведения последовательного наблюдения и обработки полученной информации, но учитывается лишь философия этого вида исследований. Она задается следующим образом: наблюдения производятся по одному и анализируются в ходе самого эксперимента с тем, чтобы на каждом этапе решить, требуются ли ещё наблюдения или количество наблюдений уже достаточно, чтобы остановить эксперимент...

...замечу, философия этого процесса напоминает создание так называемой обоснованной теории (*grounded theory*) в качественных исследованиях. Этот метод, как известно, возник в конце 1960-х гг. благодаря американским социологам Б. Глейзеру и А. Страуссу. Но они, кажется, не ссылаются на Вальда. Интересно, нет ли связи между ними и Вальдом...

...В нашем случае схема последовательного анализа может успешно использоваться при изучении социологов третьего, четвертого и последующих поколений, поскольку эти профессиональные когорты весьма многочисленны. Принципиально более сложным является накопление данных о социологах первых двух поколений. Во-первых, их исходно и всегда было немного, они стояли у истоков науки. Во-вторых, самые молодые из живущих представителей этих групп в 2014 году отметили свое 80-летие, а старшие — перешагнули 85-летний рубеж. Легко понять, что в течение нескольких последних лет численности этих когорт заметно сократились. Буду считать большой удачей, если в ближайшие годы мне удастся провести интервью еще с несколькими социологами из рассматриваемой совокупности.

Относительная стабильность «матрицы событий», построенной на базе проведенных интервью, позволяет допускать, что уже собранный массив информации достаточно репрезентативен (в указанном выше смысле), а выводы и гипотезы нашего историко-социологического проекта валидны и могут рассматриваться как полигон для продолжения исследований.

В заключение отмечу, что собранная коллекция биографий открывает возможности не только для более глубокого понимания процессов формирования российского социологического сообщества, но и для проведения историко-культурологического анализа в области социальной структуры и социальной миграции. Таким образом, история советской/российской социологии окажется вписанной в историю СССР/России, а становление сообщества отечественных социологов станет объектом многоаспектного науковедческого изучения.

В связи с твоим последним утверждением я еще задам тебе вопрос, но сначала вопросы о поколениях и репрезентации. Ты отметил, что приступил к изучению социологов пятого и шестого поколений. Чем они тебя заинтересовали? Предполагаешь ли ты спуститься по «лестнице поколений» еще на одну ступеньку?

Прежде всего, простейшая логика развития историко-социологического проекта, нацеленного на изучение динамики нашего социологического сообщества, подразумевает расширение предметного поля анализа и переход к исследованию новых генераций ученых. Тем более, что в течение десятилетия проведения интервью, представители этих групп, несомненно, заняли заметное место в системе разработок научных проблем и в сфере подготовки кадров.

Обратим внимание на годы рождения социологов этих «новых» поколений: для 5-го поколения — 1959—1970 и шестого — 1971—1982 гг. Если предположить, что — наиболее частый вариант — в социологию приходят в возрасте 20—25 лет, то легко заметить, что более половины представителей пятой когорты и практически все, кто составляет шестое поколение социологов, начинали свою работу уже в постсоветской России. Интервью, которые я уже закончил и которые находятся в производстве, отчетливо показывают, что здесь мы имеем мало знакомую нам творческую и деятельностную среду, здесь социальные образования, прошедшие процессы ранней социализации и профессиональной подготовки, в корне отличные от тех, через которые прошли социологи 1—4 поколений. Лишь самые старшие из шестого поколения по собственному опыту знают, что такое комсомол, возможно, лишь единицы (из 5-го поколения) состояли в КПСС, и многое

другое. Великая отечественная война, «политическая оттепель», принципиально определявшие многое в мировоззрении первых трех поколений, для шестой когорты — история их бабушек и дедушек.

К шестому поколению меня заставляет присматриваться следующий интересный историко-футурологический момент. Ведь самым старшим из них в 2050 году, т.е. на экваторе нынешнего столетия, будет 79 лет, а младшим из этой плеяды не будет и 70-ти. Именно эти наши сегодняшние молодые коллеги смогут на личном опыте оценить, как менялась российская социология в первой половине XXI века. Задумаемся, в октябре 2058 года — да, в такое отдаленное будущее призывает всматриваться мой исторический проект, — будет отмечаться 100-летие современной советской/российской социологии. Вполне резонно допустить, что некоторые представители шестого поколения, они будут на пороге своего 80-летия, будут еще «в строю»: заниматься научной работой, вести аспирантов, консультировать докторантов, читать студентам... вот это-то будет прямая связь времен. Они застали работающими пионеров нашей социологии и они будут наблюдать вхождение в социологию десятого (2019—2030 г. р.) и одиннадцатого (2031—2042 г. р.) поколений. Дух захватывает...

Теперь, что касается второй части твоего вопроса. Знаешь, никогда не говори никогда... но пока я, даже «мягко», не планирую беседы с социологами седьмого поколения. Сейчас старшим из них — 30 лет с небольшим; конечно, среди них уже есть кандидаты наук или имеющие степень Ph.D. от известных зарубежных университетов, но хотелось бы приступить к исследованию этой общности, лишь когда старшие из них подойдут поближе к 40-летию. Будет это в начале 2020-х, так далеко я свои планы не строю...

Вопрос о репрезентативности ты свел к теме логической валидности, заполняемости матрицы событий, ситуаций, философии последовательного анализа Вальда. Наверное, здесь что-то есть... но отмечу один момент, находящийся, скажем, «на поверхности». Ты — справедливо — отмечаешь некую элитарность твоих собеседников, а как быть с теми, кого ты не отнес бы к «элите»?

Твой вопрос — естественен, я впервые задал его себе десять лет назад: «А с кем вести интервью?». Я начинал с Б. М. Фирсова, Я. И. Гилинского, В. А. Ядова не потому, что они доктора наук, профессора, а потому, что они преданы науке и успешно в ней работают. Здесь никакие критерии для отбора не надо было устанавливать, любое экспертное сообщество сказало бы, что сделанное этими учеными — часть истории нашей науки. Но, наверное, в первую пятерку моих собеседников вошел и Л. Е. Кесельман, который не имел кандидатской степени и принадлежал к другому поколению (тогда еще не было «лестницы поколений»). Но я понимал, что сделанное Кесельманом в перестроечные годы в Ленинграде и ряде других городов, его уличные опросы, его постоянные публикации в прессе, выступления по радио и ТВ — это часть истории перестройки и значимая страница в истории социологии. Возможно, я с кем-то советовался относительно интервью с Кесельманом, но решения я всегда сам принимаю.

Первые пять-семь интервью я провел с теми, кого знал давно и кого знают многие социологи страны. Потом начал просить советов по отбору у моих суперэкспертов (так получилось, что ими стали И. С. Кон, он тогда работал над книгой «80 лет одиночества» и потому отказался от интервью, и В. А. Ядов). Моим

первым «незнакомцем», мне его порекомендовал Ядов, был А. Б. Гофман. Так получилось, что до отъезда в Америку мы не были знакомы. Конечно, я сразу позвонил Гофману, мы отказались от отчеств и официального «вы» и быстро завершили интервью. Не помню, в конце нашей работы или уже после ее завершения я приехал в Институт социологии, там проходил ученый совет, на котором были ведущие сотрудники института. В коридоре я встретил Сергея Чеснокова и спросил, знает ли он Гофмана. Сергей удивился моему вопросу, вызвал Сашу с совета, и мы познакомились лично. Но вопросов о лидирующем положении Гофмана в ряде направлений отечественной социологии, уверен, не возникнет ни у кого.

Я разделяю положение некоторых специалистов о том, что наука делается поколениями, а прорывы в науке — лидерами. Конечно, если бы я проводил интервью с теми нашими коллегами, которые в силу тех или иных обстоятельств не стремились к роли ведущего, их устраивало положение ведомых, и они честно и ответственно выполняли порученное им дело, то матрица событий, конечно, обогатилась бы рядом новых «ячеек». Мне интересно знать, какие это были бы «точки», но здесь надо вернуться к организации сбора данных. К сожалению, мои возможности небезграничны и приходится выбирать: иметь дело с ведущими или ведомыми. Мне кажется, что для выстраивания здания прошлого—настоящего—будущего советской/российской социологии проведению интервью с лидерами следует отдать предпочтение.

Теперь, не мог бы ты выстроить основные блоки твоих интервью, их общий каркас?

Вообще, мне кажется, что в блочной организации историко-биографического интервью нет особой «загадки»; ведь в центре внимания — траектория жизни человека, но не все ее (траектории жизни) грани, а прежде всего — относящиеся к его профессиональной деятельности. И все такие траектории, несмотря на их бесконечное разнообразие и уникальность каждой, из какой-то пространственно-временной точки исходят, через какую-то социально-историческую среду проходят и, вообще говоря, где-то и когда-то обрываются. Так что есть блок вопросов о родительской семье, школьных и студенческих годах, освоении профессии и работе в ней. Конечно, о профессиональном окружении человека.

Как и всегда, каркас, скелет — малоинтересны. Безусловно, начиная мою работу, я знал хорошо книгу о российской социологии 1960-х годов, сделанную по инициативе и под редакцией Г. С. Батыгина. Но она, как и монография по истории советской социологии Б. М. Фирсова и ряд статей А. Г. Здравомыслова, скорее содержали дополнительный импульс к началу моих историко-социологических исследований, уточняли границы поискового пространства, чем давали основу методике интервью, особенно если принять во внимание то, что оно проводится по электронной почте. Уже после написания этой фразы я полез в мой электронный архив и нашел в нем письмо Б. М. Фирсову от 21 августа 2004 г., вскоре после выхода моей статьи о Грушине и начале рассуждений о собственном включении в изучение прошлого нашей науки. Там были такие слова: «Книга Гены Батыгина и твоя работа по истории советской социологии уже многое

задали, некие координаты. Чтобы написать по истории советской и текущей российской социологии полнее того, что ты нарисовал, нужны новые специальные поиски и какая-то новая методология. Вот я и пытаюсь ее изобрести».

Отчасти это произошло потому, что к интервью с нашими коллегами я пришел после написания серии статей о жизни пионеров американской рекламы и отцов-основателей современных опросных технологий изучения общественного мнения [15]. Конечно, там не было и не могло быть, скажем, прямого диалога с «биографируемыми», но мысленное общение с ними существовало, иначе ничего о человеке не узнаешь, не поймешь его и не напишешь о нем. Сначала я строил биографическую мозаику на основе словарей “Who is who?”; замечу, некоторые из них содержат очень богатую, разнообразную информацию о представляемых ими людях, но потом искал все, относящееся к моим героям. Если иметь в виду Джорджа Гэллапа, Элмо Роупера, Арчибальда Кроссли и Хэдли Кэнтрила, то это интервью с ними, заметки о них в массовых журналах, материалы архивов различных университетов. Писал их родственникам и коллегам. При сборе данных о выдающихся людях из мира рекламы — это вторая половина XIX — начало XX веков, искал книги по истории рекламы, мемуары. Все это задавало методологию историко-биографических разработок и формировало мое видение блоков информации о человеке.

Но, пожалуй, и это — очень тонкий, поверхностный слой всего совокупного опыта освоения биографии ученых, которым я обладал на старте рассматриваемого проекта. Впервые я окунулся в эту тему в 1959 году, когда в ходе долгой поездки на трамвае на озеро под Ленинградом узнал от одного выпускника физфака МГУ о книге Леопольда Инфельда о французском математике Эваристе Галуа. Это первый момент, это — старт.

Второй момент, мы говорили с тобой на эту тему в нашем диалоге «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев?..», — это мои разговоры с историком физики, науки Борисом Григорьевичем Кузнецовым, моим родственником. Я тогда — в студенческо-аспирантские годы, не задумывался работать в истории науки, но беседы с ним были мне крайне интересны и расширили мое понимание значения истории науки. Если учесть, что Кузнецовым написаны книги об Эйнштейне, Галилее, Ньютоне, масса очерков о Спинозе и современных физиках, я старался все это читать, то получается, что мои представления о составе биографии, о строении «линии жизни» закладывались уже в 1960-х.

Наконец, третье. На протяжении 70-х я одновременно с участием в опросах общественного мнения ленинградцев многое читал по истории статистического анализа, начиная от Фрэнсиса Гальтона до наших дней. У меня было желание написать книгу о Карле Пирсоне, математике, биологе, философе. Но надеяться на то, что книга о философе-позитивисте, раскритикованном В. И. Лениным, даже если она будет сконцентрирована прежде всего на основных положениях и методах корреляционного анализа и на природе «кривых Пирсона», не приходилось.

Так что возникновение блоков интервью происходило «естественно», в том смысле, что мне не приходилось задумываться специально на эту тему.

... а были ли трудности с ведением самого интервью?

...почему были? Есть и будут, это — в высшей степени творческий процесс, каждое интервью — товар штучный. Прекрасно помню, как все начиналось, как задумывался о построении вопросов, о количестве вопросов, которые можно задать за один раз, об объеме интервью, о форме обращения к респонденту: «ты» или «вы» к человеку, к которому в жизни обращался на «ты». Для меня Интернет в 2004 году был обыденностью, электронная почта — важнейшей частью повседневности, но тогда лишь немногие из моих потенциальных респондентов имели дома компьютеры и устойчивую работу Интернета. Как мне кажется, в моем общении с людьми я ощущал физическую отдаленность, расстояние между нами. Наверное, не случайно даже наша дискуссия с В. А. Ядовым о некоторых методологических аспектах моего исследования, начавшаяся в 2007 году и опубликованная в середине 2008 года, названа «Разговоры через океан».

Когда я проводил интервью с Б. М. Фирсовым (конец 2004 года), компьютер был у него дома, и там он отвечал на мои вопросы, затем переносил текст на дискету и отправлял мне написанное по электронной почте из Европейского университета в СПб. Завершая интервью с ним, я начал беседу с Я. И. Гилинским, и вот 20 февраля 2005 г. я писал Фирсову, что в нашем случае все строилось на хроноподходе, а в разговоре с Гилинским хронолиния играет важнейшую роль, но она разбита, есть предметный анализ, отступления. И в частности объяснял это тем, что у «Яши [Я. И. Гилинский] электронная почта дома, и наше общение иногда действительно становилось живым интервью, за вечер — три-четыре письма в обе стороны...это иная коммуникация провоцирует иные вопросы, меняет жанр общения...».

После интервью с Гофманом, которого на момент начала интервью я не знал, было еще несколько подобных ситуаций, например, беседы с В. А. Артемовым, В. А. Бачининым, Г. Е. Зборовским, В. И. Ильиным А. Ю. Мягковым. Теперь мой опыт в этом отношении достаточен, чтобы входить в такие разговоры без особого напряжения, но ощущается новая проблема, возрастная и/или «межпоколенная». Я начал интервью с представителями шестого поколения, которые минимум на 30 лет моложе меня и формировались как личности и — тем более — как профессионалы после моего переезда в США. Так что здесь мне приходится искать какие-то средства для установления доброго контакта с ними. На смену одним трудностям приходят другие.

И это — прекрасно, ибо процесс интервьюирования не рутинизируется, он постоянно «захватывает» меня, открывает возможности для знакомства с новыми людьми.

Борис, еще один итог десятилетней работы, о котором ты не рассказал, — это издаваемый Центром Ф. Шереги шеститомник под общим названием «Современная российская социология. Историко-биографические поиски». Как я понимаю, в шеститомнике объединены книги, изданные тобой ранее, добавлено немало нового. Таким объемом материала очень трудно оперировать. Прошу тебя дать читателям краткий путеводитель по нему.

Проясню, это так и не так. В конце 2012 года Франц Шереги издал на диске и одновременно разместил на сайте 3-томник «Современная российская социология: Историко-биографические поиски». Диски были разосланы во все университеты, где есть социологические факультеты и кафедры. К концу июня этого года зафиксировано более 4500 просмотров этого сайта и свыше 1000 скачиваний.

В томе 1 — «Биографии и история» — излагается общий замысел моего проекта, методология, обосновывается метод интервью по электронной почте, детально излагается концепция «лестницы поколений» и на базе собственной биографической информации и собранной другими исследователями дается анализ первых четырех поколений. Том 2 «Беседы с социологами четырех поколений» — в моем понимании — центральный, он содержит 44 биографических интервью с представителями 1–4 поколений. Том 3 «Биографическое и автобиографическое» представляет первые попытки изучения биографий современных российских социологов, это — статьи, эссе об их жизни, а также автобиографический материал. Одно интервью проведено со мною Н. Я. Мазлумяновой¹, второе — Б. М. Фирсовым.

Прошло около двух лет, появилось много новых интервью и «портретов» действующих и недавно умерших наших коллег, пришло новое понимание методологии, специфики всего проекта. По инициативе Шереги мы задумали составить еще три тома, они содержат как публиковавшиеся в журналах и размещенные в Интернете материалы, так и новые, не публиковавшиеся ранее. Я говорю об этом с такой уверенностью, так как все уже смакетировано и в скором времени будет записано на диске вместе с первыми тремя томами. Так и складывается шеститомник.

Название тома 4 «Продолжение бесед с социологами» в полной мере отражает его содержание, это 17 новых интервью: 14 из них — с социологами, которыми я раньше не беседовал, и три — с А. Н. Алексеевым, Я. И. Гилинским и В. А. Ядовым — повторные. Прошло много лет после первых интервью с ними, и, естественно, у меня возникло желание узнать, что было сделано ими за прошедшие годы.

Том 5 имеет сложную структуру, это видно уже из его названия: «Историческое, биографическое и автобиографическое».

Историческое — коллекция моих историко-методологических текстов, написанных в разные годы. Открывается этот раздел заметкой «Не терять преемственности», которую Г. С. Батыгин опубликовал в журнале «Социологические исследования» еще в 1987 году. Она написана спонтанно, тогда историей социологии я не занимался. А теперь оказалось, что в ней в общем сформулировано то, что я делаю в последние 10 лет. Биографическое — это статьи, в которых обсуждается методология историко-биографического анализа и собственно биографические исследования. Но ты знаешь, я не любитель рассматривать методологические сюжеты сами по себе, как правило, они являются продолжением изучения биографии и творчества конкретного социолога.

Название последнего раздела — «Автобиографическое» — указывает, что здесь — продолжение одноименной главки тома 3. В логике, методологии, организации рассматриваемого историко-социологического исследования автобиографическая информация представляется мне крайне важной, сущностной. Ведь это «замкнутый на себя» проект; в нем все «авторское». Его программа разрабатывается, уточняется и реализуется одним человеком; он же (т.е. я) осуществляет все операции «полевого» этапа: поиски респондентов, получение от них согласия на участие в беседе, многомесячное — с большими перерывами — интервью. Затем следует подготовка материалов к публикации в журнальном или

¹ Трудно переоценить вклад Наталии Яковлевны Мазлумяновой (1952-2013) в становление этого проекта

электронном варианте, написание статей и книг. Следовательно, автор не должен скрывать информацию о себе. По мере возможного она должна быть открытой, доступной читателю.

Том 6 — это вышеназванная книга о Б. А. Грушине «Все мы вышли из “грушинской шинели”». Лучшее завершение шеститомника, отражающего итоги 10 лет разработки истории советской/российской социологии, трудно было придумать. Ведь началом всему была статья о жизни и творчестве Грушина, опубликованная летом 2004 года.

В последнее время ты продумываешь идею глубокой связи того, что делает в своей профессии социолог, с его биографией — идею биографичности творчества социологов. Для биографики утверждение о влиянии общества и культуры на деятельность героя — универсально. Возможно, ты видишь специфику такого влияния в случае, когда речь идет о социологе? Расскажи об этом немного, а также об общеметодологическом значении идеи биографичности творчества социолога для твоих будущих исследований.

Хотя то, что я делаю уже несколько последних лет и есть поиск этой самой «биографичности», но только сейчас эта проблема прорисовывается как объект направленного поиска. Уже в первом опыте рассмотрения сделанного Грушиным, он еще был жив, я нащупал личностные истоки его многолетнего «нешадного» изучения общественного мнения, обсуждал эту тему с ним, но прошел мимо того, что здесь была обнаружена одна из главных черт творчества социологов; оно — биографично (или автобиографично).

Конечно, детерминированность творчества литераторов, особенно — поэтов, композиторов, прежде всего воспитанных на традициях народной, национальной музыки; художников, особенно тяготеющих к исторической и портретной живописи, не вызывает сомнений, почти аксиоматично. Я много лет помню слова Анны Ахматовой, сказанные ею о молодом Иосифе Бродском, когда его судили и отправили в ссылку: «Какую биографию делают нашему рыжему!». Она отчетливо понимала, что это отразится на его последующей жизни и в его стихах. Ведь это ее слова: «Когда б вы знали, из какого сора. Растут стихи, не ведая стыда...».

Итак, и первичный анализ собранных интервью, и знакомство с мемуарами наших коллег, и понимание природы научных поисков как многоуровневой рефлексии наблюдаемого, и, наконец, обращение к собственному полувековому исследовательскому опыту — все указывает на биографичность нашего творчества. Но она иная, чем в случае творчества деятелей культуры, и эта «инакость» сродни различиям между наукой и художественной культурой. Кратко поясню сказанное.

Поэт даже в тоталитарном обществе (история русской и советской поэзии дает массу примеров) находит ниши, форму, язык и т. д. для самовыражения. В этом легко убедиться, если обратиться к многотомной антологии русской поэзии 1960 — 70-х годов «Голубая лагуна», собранной и изданной Константином Кузьминским. Наука всегда, даже в самые мягкие времена, более консервативна в принципах, концепциях, методах сбора и анализа информации, в языковом оформлении теоретических построений и эмпирических выводов. К тому же ученый, в частности социолог, весьма ограничен в своей текущей и долго-

срочной деятельности тем, что работает по заказам государства или корпораций, да и труд его — коллективный. Пространство для ответа им на «биографические» вызовы, как правило, невелико.

Каков смысл в поиске элементов биографичности в деятельности социологов? В принципе все очень просто; настоящее творчество всегда лично, индивидуально, мотивировано изнутри. И если мы исходим из того, что социология вся или в значительной ее части — это пространство для творчества, то тема биографичности приобретает заметное звучание.

Борис, хочу заключить наше интервью вопросом, какими в твоём представлении могли бы стать биографические исследования российской/советской социологии? Ты упоминал о том, что история социологического сообщества — это «объект многоаспектного науковедческого изучения».

Мне кажется, что отчасти я это уже показал, более того, похоже, что вообще в силу многих причин мой проект с самого начала был не только (возможно, и не столько) историко-социологическим, сколько историко-науковедческим. Ведь он — лишь часть моих текущих исследований, одновременно с анализом прошлого отечественной социологии я на протяжении этой же десятилетки изучаю историю американских опросов общественного мнения и становление т.н. научной рекламы в США. В системе американской классификации наук изучение мнений не относится к социологии, это самостоятельная исследовательско-аналитическая область. Что касается рекламы, то скорее это история маркетинга и исследований рынка.

Я давно рассматриваю мои исследования — отчасти — и как науковедческие. Так, еще осенью 2007 года суждение, аналогичное твоему, высказал в нашей беседе «Работа над биографиями — это общение с моими героями» В. А. Ядов: «...я прочел твое заключение к еще не опубликованной книге “Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения и судьбы творцов”. Ты заметил, что это историко-науковедческое исследование» («Телескоп», 2008. № 1). А вот еще один фрагмент той же беседы с Ядовым: «...я обратил внимание на то, что ты часто употребляешь безличные глаголы (“было выявлено” и т. п.). У Майкла Малкея я вычитал такое наблюдение: естествоиспытатели прибегают к безличным оборотам, сознательно или бессознательно повествуя “от имени самой природы”, тайны которой им удалось выявить. Одновременно замечу, что ты часто пишешь “мое”, “мною”. Не свидетельствует ли это об отношении к работе как истинно научному поиску? Некоторые коллеги избегают таких оборотов, и это, как я догадываюсь (судя по себе), есть намек на несколько иное восприятие гуманитарной науки, каковая отнюдь не science. Что скажешь?». Отвечая на этот вопрос, я связал использование безличных глаголов с моим математическим образованием. Для математических текстов типичны обороты: как было показано, как предполагалось и т. д. Далее я заметил, что не очень задумывался о том, относятся ли мои исследования к science, но определенно в них присутствует множество элементов science.

Допускаю, что мой в значительной степени внесоциологический подход к предмету исследований в значительной мере объясняется и тем, что после переезда в Америку я в течение пяти лет был вынужден полностью отойти от какой-либо научной деятельности. Помню, с каким трудом потом писались

первые страницы, но постепенно формировавшиеся уже не «чисто» социологическая методология анализа и стиль письма становились нормой, они сами начали управлять моей работой. Еще в 2004 году Валерий Голофаст писал: «... твоё пятилетие отвлечения-мучения позволило тебе радикально переосмыслить, определить, писать, воспринять ... твой мыслительный мир. Ты не забыл прошлое. Просто оно заняло более скромное место в твоей голове. Это как очистить стол от старых бумаг — и писать заново и начисто, по-иному».

В моем понимании, биографические исследования российской/советской социологии станут междисциплинарными и будут частью истории отечественной и мировой науки. При этом автоматически российские социологи станут рассматриваться как часть глобального научного сообщества.

Спасибо, Борис. Успехов тебе в новых исследованиях!

Докторов Б., Козлова Л. «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев?..» // Проект «Международная биографическая инициатива» (IBI) [электронный ресурс]. Дата обращения 9.07.2014. URL: http://cdclv.unlv.edu//archives/Comments/doktorov_kozlova.html.

Козлова Л. Биографии в жанре документальной миниатюры // Портреты российских социологов. Интервью для Радио Свобода [электронный ресурс] / Официальный сайт Центра социального прогнозирования и маркетинга. М. 2012. Дата обращения 9.07.2014. URL: http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=177.

Ильин В. И.: «Социология как образ жизни — это оборотная сторона социологии как профессии» // Социологический журнал. № 2. 2010.

Зборовский Г.Е.: «Меня тревожит раскол в российской социологии» // Социологический журнал. № 4. 2013.

Ядов В. А.: «Все зависит от нас самих» // Социологический журнал. № 1. 2014.

Г. В. Осипов: «Решать проблемы сейчас можно только на основе социальной науки» // Социологический журнал. № 2. 2014.

Международная биографическая инициатива (IBI) [электронный ресурс]. Дата обращения 9.07.2014. URL: <http://cdclv.unlv.edu//programs/bios.html>.

Центр социального прогнозирования и маркетинга [электронный ресурс]. Дата обращения 9.07.2014. URL: <http://www.socioprognoz.ru>.

Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами. 3-е дополненное издание [электронный ресурс] / Ред.-сост. А. Н. Алексеев. М.: ЦСПиМ, 2013. Дата обращения 10.07.2014. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=332>.

Докторов Б. Все мы вышли из «Грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М.: Радуга, 2014.

Докторов Б. З., Ослон А. А., Петренко Е. С. Эпоха Ельцина: Мнения россиян. Социологические очерки. М.: Фонд «Общественное мнение». 2002.

Докторов Б. З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2005.

Докторов Б. Джордж Гэллап. Биография и судьба. М.: Изд-во ООО «Полиграф – Информ», 2011.

Докторов Б. Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2013.

Докторов Б. З. Отцы-основатели. История изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования. 2006.

